

ценности – в лесбийском союзе нет мужских ценностей, чего не скажешь о паре геев: тут смесь мужского и женского, короче, целая семья.

Впрочем, что такое чисто женские ценности, я затрудняюсь ответить. Пусть об этом пишут сами женщины, поскольку не имеющих трудных дней, не ответит и на трудный вопрос. Но вот забавное отличие мужской любви от женской прослеживается на уровне любви к детям. Известно, что мужчины не любят детей, вернее, любят их по-иному. Говорят, что здесь причиной устройство мозга и выделенные гормоны. Возможно, но именно это отличие позволяет женщинам вступать в диалог, а мужчинам монологизировать. Очевидно, что если Бахтин не был женщиной, то его самым большим научным подвигом стало понимание диалога, то есть постановка на женские позиции в сознании. Впрочем, традиционные мировые религии ко всем этим изыскам относятся крайне негативно. Толерантно-положительное к ним отношение тоже плохо. Что изменилось, после того как вместе книги «Сексопатология» наши изда-

тельства стали выдавать тиражи коновской «Сексологии»? Ничего! Плохо – и принятие и непринятие.

Но как же быть с гомософией, как быть с манифестами и голубым дискурсом в философии? А никак: гомософия возникает как продукт отрицательного отношения общества и исчезает в толерантной либеральной атмосфере. Кому нужен гомософ, когда есть нормальный философ. Кому нужна феминистская социология – в 90 гг. мне попадались и такие книги, где все научные темы трактовались с женской точки зрения – если общество занято сложными созидательными задачами и ему не истерик и эпатажа интеллектуалов. Но если на истерике делаются большие деньги, то она будет попадать как сектор рынка в поле зрения самых широких масс. Это значит, что рыночное общество, десексуализируя людей, живет и спекулирует на сексуальной тематике. Это значит, что до тех пор пока мы будем в цивилизованном (мужском) рынке, общество будет обречено на брожения и расколы, на ренессанс голубого (розового, в случае с лесби) дискурса.

ДИСКУРС И ЗНАЧЕНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ

А.Г. Шабуров

Шабуров
Алексей Геннадьевич
магистрант факультета
политологии и социологии
УрГУ,
доцент МАДИ

Изучение концепта справедливости ставит перед исследователем задачу нахождения и определения значения этого концепта. Рассуждения на тему: «Что такое справедливость?» – не были бы столь необходимыми и важными, не приводи они к существенным политическим, идеологическим и социальным последствиям. От того, что мы понимаем

под справедливостью, зависит та общественно-политическая модель, тот идеал, из которого мы будем исходить при целеполагании своей деятельности. Речь идет о не только о процессе осмысления концепта справедливости, но и о процессе его означивания, что в итоге делает этот концепт политически и идеологически функциональным.

Вопрос в том, обладает ли концепт справедливости неким универсальным политическим значением сам по себе? Другими словами, нужно понять, является ли справедливость политической идеей с неким предзаданным смыслом, который мог бы стать фундаментом для дальнейших теоретических и практических построений. Ведь если станет ясно, что такой смысл есть, то мы не просто будем вынуждены предпочесть этот смысл,

но это также повлечет за собой конкретные политические последствия. Предположим, мы нашли универсальное политическое значение справедливости – то есть, мы поняли, что значит быть справедливым. В этом случае определенным образом понятый идеал справедливости будет носить императивный характер – то есть, предписывать нам поступать тем или иным образом, что для политики означает: пытаться строить то или иное общество, которое будет соответствовать этому идеалу. Однако такая возможность, как нам представляется, может быть поставлена под сомнение. Сомнения практического характера опираются на исторический опыт, говорящий о бесплодности попыток построения общества, основанного на универсальном идеале справедливости. Сомнения же теоретического характера требуют от нас исследовать сам процесс порождения значения концепта справедливости.

В чистом виде справедливость есть регулятор социально значимого взаимодействия между людьми. Она предписывает нам поступать в отношении других тем или иным образом. Если мы поступаем так, как предписано, считается, что мы поступаем справедливо, если нет – то несправедливо. Итак, справедливость – это некая норма, в принципе лишённая конкретного содержания. Можно представить себе две противоположные ситуации, одинаково недостижимые. Первая ситуация предполагает, что у каждого человека имеется собственное понимание смысла справедливости. В таком случае общество не складывается. Конфликт между представлениями о справедливости неизбежно приведет к конфликту между носителями этих представлений. Ведь, как уже говорилось, справедливость регулирует межчеловеческие взаимодействия – особенно в тех случаях, когда эти взаимодействия связаны с обменом, распределением и перераспределением благ, возникающих в результате той или иной деятельности. Но если субъекты взаимодействия предлагают друг другу не то, что от них ожидают (а это неизбежно при несовпадении представлений о значении справедливости), то и конфликт неизбежен. Множественность и

практическая неразрешимость конфликтов не позволила бы функционировать обществу как системе. Однако противоположная ситуация – полное единодушие по поводу значения справедливости – так же мало представима (о чем уже говорилось выше). По сути, речь идет о двух всем известных моделях естественного состояния. В любом случае, становится понятно, что для нормального существования общества необходим хотя бы относительный консенсус по поводу значения справедливости.

Механизмы закрепления такого консенсуса носят как моральный, так и правовой характер. То есть, и мораль, и право предписывают нам поступать справедливо, в первом случае – на основе внутренних убеждений и сложившихся в обществе взглядов, во втором случае – на основе законодательства, подкрепленного возможностью государственного принуждения. Такое двойное закрепление позволяет сделать многообразные человеческие взаимодействия более или менее упорядоченными и предсказуемыми. А это, в свою очередь, есть необходимое условие существования общества.

Взаимодействия людей включают в себя и взаимодействия по поводу власти. Более того, власть есть главная сила, устанавливающая нормы обмена, распределения и перераспределения. Следовательно, власть неизбежно становится одним из основных объектов регулирования со стороны идеала и понятия справедливости. Как бы плохо мы ни относились к своей власти, мы всё равно ожидаем, что она будет справедливой (и когда мы убеждаемся, что ждать этого бессмысленно, мы выбираем другую власть, ожидая от неё того же самого). Императив справедливости в отношении власти всегда существует (хотя, как мы понимаем, далеко не всегда выполняется). Между тем, когда мы говорим о справедливости применительно к власти, мы говорим о политической справедливости, причем может оказаться так, что эта политическая справедливость будет носить доминирующий характер по отношению ко всем другим значениям этого концепта (уже хотя бы в силу специфики самой политичес-

кой власти).

Но, как мы понимаем, универсального политического значения справедливости не существует. Его, конечно, можно изобрести, но он не будет работать по прямому назначению. Более того, такие значения изобретаются с завидной регулярностью, обеспечивая многообразие идеологического спектра. В каждую идеологию заложено своё политическое значение справедливости. Итак, возникает ситуация, когда одному означаемому (концепту справедливости) приписывается целый ряд противоречащих друг другу означающих (складывающихся в политические концепции справедливости). Возникает борьба за означивание, и полем этой борьбы является политический дискурс. То есть, появление и дальнейшее усвоение того или иного значения справедливости есть результат определенных дискурсивных практик. Получается, что политическое значение справедливости (претендующее на универсальность, но не достигающее её) образуется и существует только в рамках политического дискурса и закрепляется специфическими, присущими дискурсу механизмами. Между тем, известно, что сам по себе дискурс находится в зависимости от множества факторов (социальных, экономических, политических, исторических) – он

переменчив и зачастую противоречив. И если тот или иной политический дискурс носит в данный конкретный момент господствующий характер, то нет никаких гарантий, что оно сохранит свое положение с течением времени. То же самое можно сказать и о политическом дискурсе справедливости, продуцирующем политическое значение концепта справедливости. То или иное значение справедливости существует только для данного момента времени, пусть даже и представляется базирующимся на универсальных моральных устоях (существование этих устоев самих по себе не отрицается, но можно поставить под сомнение их политическую приложимость к тому или иному обществу).

Получается, что значение концепта, вокруг которого выстраивается концепция справедливости, не существует вне политико-идеологического дискурса. В таком случае и сам идеал политической справедливости теряет свой универсальный характер. Модель общества, построенная на этом идеале, всегда останется частной и будет сохранять свой мобилизирующий и смыслопорождающий характер только до тех пор, пока политический дискурс, в рамках которого она построена, будет продолжать воспроизводиться и сохранять свою актуальность.

ПОВЕРХНОСТЬ СМЫСЛА И СМЫСЛ НА ПОВЕРХНОСТИ: НОВАЯ ОНТОЛОГИЯ ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА

М.С. Ильченко

Ильченко
Михаил Сергеевич

аспирант Института
философии и права УрО
РАН, доцент МАДИ
Тел. (343) 330-98-22
E-mail: msilchenko@mail.ru

Усилиями Жюль ДеЛёза смысл обрёл своё новое пристанище. Он стал подвижен, пластичен и изменчив. Но главное – смысл стал

самостоятелен, получив собственное право голоса. Пусть определённая зависимость в его существовании и сохранилась, но теперь он оказался способен диктовать свои условия.

Утверждения о том, что выход в свет «Логика смысла» явился шоком для интеллектуальной публики не стоит считать таким уж преувеличением. Эта самая среда уже успела пережить «смерть» субъекта, исчезновение человека и всевластие дискурса. Однако Делёз ударил в самую сердцевину. Смысл никогда не был простой философской категорией. Он всегда представлял собой нечто большее. То,